

СУДЬБА ОЛЬГИ ЧЕХОВОЙ

Свои воспоминания Ольга Чехова опубликовала в 1973 году. Книга полна вымысла и фантазии, в ней много фактических неточностей, но читается она как увлекательный роман, и оторваться от нее почти невозможно.

Известно, что легенда и биография часто не совпадают. Реальная история жизни Ольги Чеховой полна тайн, в мемуарах они едва намечены, и постичь секреты ее биографии по ним очень трудно. Немцы боготворили свою «звезду». Ольга Чехова — это слава, обольстительная красота, баснословные гонорары. Женщины-вамп, умевшая разбавить мужскую тоску. Гитлер обожал ленты с ее участием. Она снималась в роскошных немецких боевиках, пустых и сентиментальных. Ее фантастическая красота, воля и ум позволяли ей соединять на экране культуру манекенщиц и культуру аристократок, которых она изображала. Она была как бы частью немецкой мечты. В годы второй мировой войны на фронтах немцы ждали ленты с Ольгой Чеховой.

И никто не догадывался о том, что Ольга Чехова была сверхсекретным агентом НКВД. Ее природный патриотизм взял верх, когда развязывалась вторая мировая война. В не очень достоверной книге генерала Павла Судоплатова «Разведка и Кремль», изданной в 1996 году, утверждается, что она была связана с Берией и поддерживала регулярные контакты с НКВД, что осуществлял план убийства Гитлера и именно Ольга Чехова должна была с помощью своих друзей обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов уже была заброшена в Германию и находилась в Берлине в подполье, когда Сталин отказался от этого проекта.

В мемуарах Ольга Чехова отрицает все связи с русской разведкой и только туманно намекает о «шпионской истории», раздутой вокруг ее имени, когда лондонский журнал «Пипл» написал о том, что она была лично знакома со Сталиным и получила орден за свои заслуги перед Советской Россией. «Я мешками получаю письма с угрозами, к тому же теперь еще и пущен слух, будто я награждена орденом Ленина. На улице ко мне подбегает молодая девушка, плюет в лицо и кричит: «Вот тебе, изменница!» Вытираю лицо и молчу», — пишет она.

Скрытая энергия ее жизни, загадка ее женского магнетизма объясняются силой и неординарностью ее человеческой натуры. Даже в юности, когда ее актерские способности никто не ставил ни в грош, родные догадывались о таившихся в ней стихиях.

Она родилась в России в 1897 году в семье Константина Леонардовича Книппера, родного брата прославленной актрисы Художественного театра Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. В семье было трое детей: две девочки — Ада и Ольга и сын Лев, впоследствии известный композитор Лев Книппер, автор знаменитой песни «Полушко-поле». С детства Ольга мечтала быть актрисой. Стройная, длинноногая девочка с поразительно красивым лицом, нежным и властным, жила с родителями в Петрограде, когда они решили ее отправить в Москву к любимой «тете Оле». То было лето 1914 года.

В нее сразу влюбились двоюродные братья Чеховы: Владимир, сын Ивана Павловича, и Михаил, сын Александра Павловича. Михаил был артистом Первой студии Художественного театра. В письме к Марии Павловне Чеховой он писал в сентябре 1914 года: «Машечка, хочу поделиться с тобой происшедшими за последние дни в моей жизни событиями. Дело в том, что я, Маша, женился на Оле, никому предвременно не сказав... В вечер свадьбы, узнав о происшедшем, приехала Ольга Леонардовна и с истерикой и обмороками на лестнице, перед дверью моей квартиры, требовала, чтобы Оля сейчас же вернулась к ней».

Положение знаменитой тети, Ольги Леонардовны, действительно выглядело очень неловким: родители доверили ей дочь, а она не усмотрела. Кроме того, отец Оли занимал довольно важный пост в Петрограде, а Миша — будущий гений русской сцены — тогда был, с их точки зрения, всего лишь маленьким актером. Свой брак с Михаилом Чеховым Ольга Константиновна в книге вспоминает мало, но звонкую фамилию первого мужа оставила до конца своих дней. «Она предпочла разделить со мной мою славу», — посмеивался Михаил Александрович.

Михаил Чехов очень любил красавицу жену и привязался к ней, что не мешало ему пить и приводить в дом нравящихся молодых девиц. Со свойственным ей чутьем Ольга Константиновна угадывала, в какой душевной муке постоянно жил ее гениально ода-

ренный муж. Она старалась помочь наладить дом, но из этого ничего не вышло. Брак длился недолго. После четырехлетнего замужества она ушла от Михаила Чехова с неким Фридрихом Яроши, бывшим австро-венгерским военным, красивым, обаятельным авантюристом и в январе 1921 года уехала с ним в Германию. В воспоминаниях Михаила Чехова записано, как уходила от него жена: «Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживаю разлуку, приласкала меня и сказала: «Какой ты некрасивый, ну, прощай. Скоро забудешь» — и, поцеловав меня дружески, ушла».

В Берлине Ольга Константиновна (уже расставшись и со своим вторым мужем) старается наладить актерскую карьеру. Сначала она играла в маленьких театриках, потом начала сниматься в кино. Роли были похожие друг на друга: аристократки и авантюристки. Обычно роскошный интерьер и элегантные туалеты. Ее первый фильм, в котором она обратила на себя внимание, назывался «Замок Фогельбод», в 1923 году она снялась в «Норе» по пьесе Ибсена и после этого ежегодно снималась в шести-семи картинах.

С приходом Гитлера к власти Ольга Чехова становится звездой первой величины. Геббельс ее не любил, но для нее это не имело никакого значения. Ее любил Гитлер. В конце Валентина Бережкова, известного журналиста, переводчика, работавшего в свое время со Сталиным и Молотовым, «С дипломатической миссией в Берлине. 1940 — 1941» рассказывает, что на всех правительственных раутах в честь Молотова в Берлине рядом с вожжами нацизма постоянно бывали киноактрисы — Ольга Чехова, Цара Леандер и Пола Негри. Ольга Чехова встречалась с Гитлером и Муссолини («он был образованный и начитанный собеседник», — пишет она), Герингом и Геббельсом, дружила с женой Геринга, актрисой Эмми Зоннеман, и пользовалась покровительством ее мужа. Положение прималонны нацистского экрана устраивало ее.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что еще шли бои за Берлин, когда 30 апреля 1945 года Ольга Чехова была отправлена в Москву. Ею непосредственно занимался начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ Виктор Абакумов, впоследствии министр госбезопасности в послевоенную эпоху при Сталине. Допросы сохранились. Написаны они от руки. Подробные рассказы о приемах, устраиваемых Герингом, Риббентропом, о встречах с Гитлером, Геббельсом.

Какие действия в пользу России в годы войны совершала Ольга Чехова — конкретно сказать трудно. Руководство пресс-бюро Службы внешней разведки упорно утверждает, что «каких-либо сведений о том, что она являлась агентом НКВД, в материалах не обнаружено». Между тем внимание к ней руководства КГБ, личная заинтересованность Берии не оставили никаких сомнений в том, что и ее приезд в Москву в апреле 1945 года, и забота о ней Абакумова, когда ее вернули в Берлин (в июле 1945-го) были не случайны.

Сохранилась докладная записка на имя Абакумова о том, что «Чехова Ольга Константиновна вместе с семьей и принадлежащим ей имуществом переселена из местечка Гросс-Глиниче в восточную часть Берлина — Фридрихсхаген. Переселение произведено силами и средствами управления контрразведки СМЕРШ Группы Советских Оккупационных войск в Германии. Чехова выражает большое удовлетворение нашей заботой и вниманием к ней», — сообщал начальник управления контрразведки СМЕРШ Группы Советских Оккупационных войск генерал-лейтенант А. Вадис. Сохранились письма Ольги Чеховой на имя Абакумова, где она называет его «дорогой Виктор Семенович» и спрашивает: «Когда встретимся?».

Сниматься Чехова перестала в 1954 году, но еще какое-то время играла на сцене — до 1962 года.

В 1965 году она основала фирму «Косметика Ольги Чеховой», дела ее пошли очень успешно. Каким-то чудом в ней сохранились красота, русская широкая натуры и неизяснимая жесткость. Никто не умел, как это умела она, прямо смотреть в глаза и скрывать истину.

Перед смертью она просила выключать телевизор, когда показывали кадры военных лет, до болезненности боялась России, хотя в доме соблюдались все православные праздники. Умирая, завещала похоронить ее с отпеванием. На похороны собралось очень много народу. Газеты наперебой сообщали о смерти знаменитой кинозвезды. Ей было 83 года.

Виталий ВУЛЬФ.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ВАГРИУС

В конце мая в издательстве «Вагриус» выйдут в свет мемуары одной из самых знаменитых кинозвезд гитлеровской Германии Ольги Чеховой «Мои часы идут иначе» с предисловием известного московского театроведа Виталия Вульфа. Представляем читателям «ВК» газетный вариант этого предисловия и фрагменты двух глав книги.

Е Е Л Ю Б И Л Г И Т Л Е Р

И именно ей — суперсекретному агенту НКВД — Лаврентий Берия поручил организовать убийство фюрера

“НЕТ НИЧЕГО, ЧЕГО НЕ МОГ БЫ АКТЕР”

Константин Сергеевич Станиславский — крупный мужчина, у него белые как снег волосы, кустистые черные брови и завораживающий взгляд. Его появление, как нечто само собой разумеющееся, тотчас вызывает у всех уважение и почитание, прежде всего, конечно же, у молодых актрис. Его критика объективна, порой едка, однако педагогический талант потрясает. Споры о своем методе, о разных интерпретациях пьес он не только поддерживает, но и поощряет. Порой они длятся до самой генеральной репетиции. В остальном он требует четкой дисциплины и безусловного вживания в ткань произведения: каждый актер, независимо от того, играет он главную или второстепенную роль, за час до начала спектакля обязан быть в примерной, чтобы спокойно подготовиться и сконцентрироваться. Если он приходит на репетицию или спектакль поздно, то на первый раз получает предупреждение, во второй раз платит пять, в третий — десять рублей штрафа. Если же гулена неисправим, то может рассчитывать на увольнение без предупреждения за «неуважение к труппе». Я не помню, чтобы кто-нибудь из нас доводил дело до этого.

Если пьеса в студии разучена настолько основательно, что она уже на подходе, то начинаются живые прогоны, которые заканчиваются только тогда, когда руководитель студии Евгений Вахтангов или первый режиссер Михаил Чехов посчитают возможным показать пьесу лично Станиславскому. Само собой разумеется, что при такой напряженной работе постоянно возникают моменты горького разочарования и взрывы отчаяния; ведь иной раз мы репетируем по 150 — 200 раз! — Я больше не могу! — вскрикивает соученица и падает без сил. Станиславский бесстрастно комментирует:

— Нет ничего, чего не мог бы актер — когда он талантлив. Если вы другого мнения, то пойдите другую профессию.

ЧЕХОВ НА СЦЕНЕ И ДОМА

Из множества выдающихся инсценировок Станиславского одна постановка пушкинского «Моцарта и Сальери» по личным причинам произвела на меня особенно глубокое впечатление: Миша, мой муж, играет Моцарта.

Он, без сомнения, привнес многие существенные черты в трактовку, ему лишь явно не дается изящная грация эпохи Моцарта. Тогда Станиславский распорядился, чтобы он в течение недели обедал у него дома, по-настоящему вживаясь в застольные обычаи XVIII столетия.

Миша ненавидит любое принуждение, в том числе принуждение вести себя безупречно. С тем большим изумлением я наблюдаю за его превращением в грациозного, элегантного, благовоспитанного кавалера эпохи рококо.

Но это перевоплощение на сцене, а дома... Дома он капризный сынок с барственными замашками, которые распространяются и на меня. Злесь все по-прежнему: полумрак, теснота, спертый воздух, брюзжащая больная свекровь с иссохшей, порабоченной няней, и обе ненавидят меня. — Ты скоро к этому привыкнешь, — сказал мне Миша в наш первый вечер.

И я к этому привыкла — потому что вовсе не занимаюсь этим «домом», потому что наряд с занятиями сценическим искус-

У ГИТЛЕРА И ГЕББЕЛЬСА

НЕОБЫЧНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Изменившиеся нравы этого Третьего рейха дают о себе знать необычным приглашением: в один прекрасный день мама сообщает мне на студию по телефону, что меня ждут во второй половине дня на приеме у господина министра пропаганды. Будет фюрер, он же рейсканцлер. Мама, дама старинного воспитания до мозга костей, крайне возмущена: что за манера с утра по телефону приказывать даме прибыть по приглашению во второй половине дня?!

Я же удивлена в большей степени пренебрежением к установленному и дорогостоящему съемочному времени. Обычно съемки идут с семи утра до семи вечера. У кого одновременно и спектакли в театре, должны прямо из павильона ехать в свою примерную и освобождаются не раньше 23 часов.

Я сообщаю своему режиссеру о звонке из министерства и втайне надеюсь, что приглашение будет отклонено ввиду моей занятости. Но режиссер и руководство разрешают, распорядившись отнять меня раннее. Необычное явление. Пока еще необычное. Позднее любое пожелание министерства пропаганды сразу становится приказом или воспринимается как такое.

ГИММЛЕР И ДЕКОЛЬТЕ

Перед помещением, в котором сервирован чай, стоит Гитлер в цивильном. Он тотчас же заговаривает о моем фильме «Пылающая гниль», премьера которого состоялась только что. Я играю польскую революционерку. Гитлер осыпает меня комплиментами.

Мое первое впечатление о нем: робкий, неловкий, хотя держит себя с дамами с австрийской злобностью; ничего «демонического», завораживающего или динамичного. Это впечатление разделяют многие, кто сталкивался с Гитлером в узком кругу. Поразительно, почти непостижимо его превращение из разглагольствующего зануды в фанатичного подстрекателя, когда он оказывается перед массами. Тут он восстаивает тысячи, а позднее и миллионы. Кто возьмется это оспаривать!..

Гитлер тише старается быть обаятельным, Геббельс таков и есть. Как всегда открытый ровным кварцевым загаром, он рассыпает шутки направо и налево, непринужденно острит. Внешне обойденный природой, с трудом передающийся ма-

Публикуется с сокращениями. Подзаголовки даны редакцией «ВК».

ством изучаю ваение в Институте изобразительных искусств, читаю Ницше, Шопенгауэра и Толстого, потому что я ухаживаю в йогу и азиатскую философию. Так я грежу вне реальности и привыкаю ко многому — в том числе и к совместной постели с Мишей.

ВОЙНА

Первая мировая война, о которой поначалу никто и не предполагал, что она выльется в мировую, становится ощутимой и в Москве...

Мише присылают мобилизационное предписание

Сначала мы решаем, что это ошибка, потому что он не совсем здоров. Миша отправляется навести справки. Из военного ведомства он возвращается домой пьяным.

— Им нужен каждый мужчина! — истерически кричит он. — Здоровые или больные, теперь все годны! — он хватается блюдо и бросает его о стену.

Летят осколки. Грохот приносит ему облегчение. Протрезвев на мгновение, решительно и категорично бормочет:

— На войну я не пойду. Не возьму винтовку в руки. Я не стану стрелять в человека...

— Они сошлют тебя в Сибирь, — говорю я тихо, — или повесят...

Миша передергивает плечами:

— Вполне возможно...

Он продолжает пить, безостановочно, до потери сознания. Я пытаюсь удержать его, отнимаю стакан, трясусь его и кричу:

— У тебя же вечером спектакль!

Он отталкивает меня и продолжает пить.

Его мать безучастно смотрит на него.

— Почему ты ничего не делаешь? — в отчаянии спрашиваю я ее.

Она равнодушно машет рукой:

— Он, как и отец, который пил три дня подряд, потом неделями ни капли и вдруг снова лезла и ножами, не прекращая. Я ничего не могу поделать.

Я НЕ ВОЗВРАЩАЮСЬ

Я иду к Станиславскому и объясняю, что происходит с Мишей. Тот внимательно слушает меня. На этот раз он понимает, отчего Миша пьет, говорит он, и подчеркивает: «на этот раз...»

Зато я не понимаю его.

Станиславский терпеливо объясняет: ему нередко приходится заменять спектакли, потому что Миша совершенно пьян. Повидимому, я об этом ничего не знаю? — Не имею представления, — отвечаю я потрясенно.

Станиславский верит. Поначалу, добавляет он, пробовали заменить Мишу другим актером, чтобы спасти спектакль. Но публика не принимает замен, она хочет именно его, Михаила Чехова, талантливого и обворожительного.

Станиславский дает указание снять пьесу, в которой должен играть Миша сегодня вечером, и заменить другой. Я умоляю Станиславского предпринять все, чтобы освободить Мишу от воинской повинности: «он не пойдет служить — они заберут и повесят его...»

Станиславский вызывает Мишу.

Узнав, что я была у Станиславского, Миша падает мне в ноги и клянется, что больше никогда не возьмет в рот ни капли и не будет водить домой «этих девушек». Две недели спустя ночью он снова приводит домой одну из «этих девушек», а через несколько дней после этого напивается до бесчувствия.

Когда он трезвеет, я с маленькой дочкой покидаю этот дом —навсегда.

МЕСТЬ ЭТИХ МАЛЕНЬКИХ ШАВОК

Следующее приглашение: не только необычно, оно трагикомично и имеет какой-то призрачный оттенок. Мы — видные коллеги-актеры и я в том числе — после спектакля сидим за длинным столом в задней комнате партийного рестораника. Ничтожество, вознесенные партии в кресла функционеров, председателиствуют в униформе СА и СС. Они устроились вольготно. Перед ними лежат снятые портупеи и кобуры с пистолетами.

Битый час функционеры разглагольствуют о наших «обязанностях художников» в Третьем рейхе и разражаются непотребными нападками на иностранных и еврейских коллег.

Когда один из них нападает на Фрица Масары — некоронованную королеву знаменитого театра «Метрополь», — поднимается Фриц Олемар, отец «комиссара» Эрика Оле. От имени всех нас он протестует против выпалов в адрес Фрица Масары, Пауля Моргана, Курта Геррона, Феликса Брессарта, Камиллы Шпиры и предлагает нам покинуть собрание.

Так мы и делаем.

Месть этих маленьких шавок от искусства я ощущаю на себе очень скоро; как выясняется, власть их простирается далеко: на роли, которые предназначались мне, берут других актрис — разумеется, всегда с «глубоким сожалением», с беспомощным пожиманием плеч.

Так продолжается год. У меня нет существенных сбережений, на которые можно было бы длительное время жить с семьей, и я вынуждена продать свой автомобиль, уволить шофера и научиться наконец ездить на велосипеде...

И вот тут звонит Альфред Хичкок из Лондона...